

НОВЫЙ ГОД С ОШО

Посвящение в саньясу я получила заочно и тайно.

Некто приехал из ФРГ. Этот «некто» и завёз к нам новость о существовании ашрама и Багвана.

Мы в Киеве собрали вместе наши фотографии, необходимую информацию и передали через Германию Багвану.

И через какое-то время нам всем по телефону из Германии сообщили наши саньясинские имена. А позже передали и письменные посвящения в нео-саньясу с подписью Ошо, а также малы с его портретами.

Ошина огромная фотография висела у меня в комнате, и от этого вся энергия в комнате изменилась. И не только в комнате, но и во мне. Мои депрессии стали редкостью, я перестала чувствовать себя беспомощной жертвой большевизма.

У меня был этот бородатый, улыбающийся старик и его книги.

Когда я смотрела на его фотографию, а я это делала часто, я погружалась в тишину, покой и тихую радость. Я чувствовала себя счастливой.

Я знала его!

Я знала его сотни жизней.

На Новогодние праздники я обычно ездила во Львов, к друзьям-однокурсникам. Эти поездки всегда были сопряжены со всевозможными трудностями по добыванию билета на поезд. Как будто вся страна куда-то ехала. Иногда это был настоящий нервотрёп и паника, что билета не достану.

Но с появлением Ошо эти усилия по добыванию билета и сама поездка куда-то, для того чтобы «праздновать», стали выглядеть бессмысленно.

Всё меньше я находила удовольствия в том, что вокруг меня мои пьяненькие, по случаю Нового года, друзья, привычные разговоры, хохмы, флирты.

Появлялось чувство бессмысленно потерянного времени.

И вот на *этот* Новый год я решила никуда не ехать, никуда не ходить, а встретить Новый год с Ошо, дома.

Я сделала торт, салаты, купила фрукты и всякую другую вкуснятину, какую смогла раздобыть, купила две бутылки вина и сделала новогодний букет из еловых веток. Приготовления радовали: я делала это для себя и для моего гостя — Ошо. На душе было весело.

Вечером я накрыла журнальный столик куском тяжёлого кремового крепдешина, расставила на нём снедь и вина. И ещё на столик я поставила настольную лампу, чтобы свет был только над столом. Моё кресло было рядом с журнальным столиком, а напротив — телевизор.

Мой гость — Ошо — был расположен передо мной, на стуле. Я поставила его портрет, а пред ним, на подносе, — бокал, такой же, как у меня.

Надев моё красивое тёмно-синее платье, в котором я себя чувствовала похожей на принцессу, я в другом конце комнаты зажгла две маленькие свечи, и приготовления закончились.

Включив телевизор и почти убрав звук, я села напротив Ошо. Я посмотрела ему в глаза, и на меня опять спустилась тишина и блаженство. Мои глаза закрылись сами. Сама собой случилась медитация.

Через какое-то время, открыв глаза, я обнаружила, что началась программа «Новогодний огонёк».

Сделав звук погромче, я наполнила бокалы.

Первый тост был за уходящий год. Я произнесла его вслух, поблагодарив за всё хорошее, что год мне подарил. Цокнулась с Ошо и осушила бокал. Стало ещё веселее. Съев немного салата, я какое-то время смотрела телевизор.

Затем я спросила, хочет ли Ошо белого вина? Лампа не дрогнула. Тогда я спросила, не желает ли мой гость красного вина? Лампа опять помрачнела и вспыхнула.

Становилось интересно.

Вот здорово, подумала я, он действительно «пришёл» в гости!

Цокнувшись и произнеся тост во здравие нашего с ним союза, я задала следующий вопрос: суждено ли мне когда-нибудь посетить его ашрам?

Лампа опять потемнела и зажглась.

(О, это было до Перестройки, и поверить в то, что я выберусь за пределы цепкого и непорушного Союза, было трудно. Но игра с лампой увлекала).

Я стала задавать вопросы, которые меня интересовали, помня, что спрашиваю Багвана. Лампа давала «ответы».

Через много лет жизнь подтвердила правильность ответов. Какие-то ответы всё ещё ждут своего исполнения, просто время ещё не пришло.

Последний вопрос, который я задала Ошо в ту Новогоднюю ночь, завершил наш пир и ознаменовал нечто новое и прекрасное в моей жизни.

А потом, выпив из Ошиного бокала, налила нам по новой и спросила у Ошо, нравится ли ему встречать со мной Новый год?

«В ответ» настольная лампа потускнела, почти погасла, а потом опять засияла.

Мне подумалось, что, возможно, какие-то перебои с электричеством. Хотя... на телевизоре это не отразилось. Странно.

Я человек непьющий, но, если нужно, я могу выпить изрядно и вообще не опьянеть. Но иногда я могу опьянеть и от маленького количества алкоголя.

Зависит от настроения.

С Ошо мы пили белое и красное вино, но не опустошили бутылок. Я не была пьяна. Когда была хорошая музыка, я кружилась по комнате, танцевала и делала балетные «па».

В СССР каждый знал: когда мужчины напивались водкой, то перед тем, как вырубиться, они задавали друг другу кульминационный вопрос:

— Ты меня уважаешь?

— Да, я тебя уважаю!

— Мы — уважаемые люди!

Настроение у меня было потрясающее! Я повторяла: «Спасибо, спасибо, спасибо!»

И в какой-то момент, переполненная радостью и чувствуя, что «созрела», я задала свой «кульминационный вопрос», хотя слегка в изменённом виде.

Я спросила: «Ошо, ты меня любишь?»

Лампочка потемнела, а затем вспыхнула немыслимо ярко и... **взорвалась!**

Я замерла посреди тёмной комнаты. Стояла, закрыв глаза.

Затем зажгла свет. Осколков было немного.

Ошо с портрета смотрел и лукаво улыбался. Меня бы не удивило сейчас, если бы он мне подмигнул или показал язык.

Внутри меня была вся комната, покой и тишина.

Захотелось закрыть глаза и «посидеть внутри себя», в этой комнате, в этой тишине.

Было уже после трёх ночи, когда я открыла глаза и отправилась из кресла в постель.

Засыпая, я подумала:: «Ни один человек и никто вообще никогда не любил меня *так сильно*».